

ДИСКУССИИ

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЛКОТОВАРНОГО УКЛАДА В РОССИИ XIX в.

П. Г. РЫНДЗЮНСКИЙ

Обсуждение вопросов, поставленных в моей статье «О мелкотоварном укладе в России XIX века» (См. «История СССР», 1961, № 2, стр. 48—70. В дальнейшем ссылки на статьи в журнале «История СССР» даются без указания названия журнала), возникло как бы стихийно. Главной задачей статьи было не столько дать решение этих больших вопросов, сколько привлечь к ним внимание и убедить в необходимости изучения мелкотоварного уклада как темы, имеющей самостоятельное научное значение. Дискуссия показала, что эти цели были достигнуты. Страстная заинтересованность в полном, правильном и скором решении проблемы обнаружилась у всех участников обсуждения.

Трудно переоценить историческое значение мелкотоварного уклада в XIX в. Основную часть населения России тогда составляло крестьянство, выходящее из условий крепостничества, поэтому для большей половины этого столетия развитие мелкотоварного уклада являлось признаком экономического прогресса. Теоретически будучи лишь моментом в начальном этапе капиталистического развития, мелкотоварный уклад в исторической действительности стал длительным состоянием русской пореформенной деревни. Поскольку феодальные отношения не были решительно уничтожены половинчатой реформой, развитие капитализма в деревне и разложение крестьянских мелкотоварных хозяйств замедлялось. Однако темпы этого разложения, а вместе с тем и значение мелкотоварного уклада во второй половине XIX в. сильно изменялись.

Коротко напомним основные положения исходной для дискуссии статьи.

В дореформенное время мелкотоварный уклад смог охватить только ограниченную часть крестьянства, поскольку в основе этого уклада лежала буржуазная собственность на средства производства и глубокая товаризация хозяйства, противоречащие системе крепостничества. Однако в ряде областей страны и в некоторых отраслях сельского и промышленного производства уже тогда он получил широкое распространение и даже доминировал. Главное, что тенденцией к приобретению крестьянами хозяйственной самостоятельности и к их переходу на этой основе в состояние мелких товаропроизводителей в той или иной мере охватывались основные массы сельских производителей. Эти тенденции отражали восходящие процессы в экономике помещичьей деревни, которые, несмотря на крепостнический режим, все же в ней преобладали, подготавливая крушение феодализма. Эволюция мелкотоварного уклада согла-

суется с принятым делением пореформенного периода на два этапа и его подтверждает. В первый период (60—70-е годы) мелкотоварный уклад сравнительно быстро распространяется в русской деревне, даже в условиях господствовавшего в ней процесса пауперизации крестьянства. Характер мелкотоварного уклада соответствует переходному характеру данного этапа. В это время он сохраняет свое передовое значение.

Положение серьезно изменилось в последних десятилетиях XIX в., отмеченных аграрным кризисом. Темпы нарастания слоя мелкотоварных хозяйств падают, уклад усиленно разлагается изнутри: на первый план в социальной жизни деревни выдвигается капиталистическое расслоение крестьянства. Мелкотоварный уклад теряет свое передовое значение.

Эти основные линии развития с попыткой их локальной дифференциации я и старался осветить в своей первой статье. Рассмотрим главные расхождения между участниками дискуссии в последовательности отдельных исторических этапов, начиная с дореформенного времени, которое привлекло наибольшее к себе внимание.

* * *

И. Д. Ковальченко и Ю. Ю. Кахк усмотрели у меня тенденцию чуть ли не к полному разрушению установившихся взглядов на социальные процессы в дореформенной деревне и поместье. Это, конечно, не так, во всяком случае это сильно преувеличено. Однако вдвинуть глыбу в какой-то мере забытого теперь мелкотоварного уклада в распространенную концепцию предреформенных социальных отношений нельзя было без того, чтобы что-то из слагаемых этой концепции не ограничить или не представить несколько в ином свете. Мои оппоненты утверждали, что в предреформенные десятилетия мелкотоварный уклад уже не представлял передового явления, так как задолго до того товаризация охватила основную массу крестьянских хозяйств и к началу XIX в. на первый план вышел процесс социального расслоения деревни. Кроме того, мелкотоварное производство в дореформенное время могло развиваться лишь в очень ограниченной мере, поскольку тогда в помещичьей деревне преобладали явления деградации крестьянских хозяйств, вплоть до вымирания ее населения.

Н. Л. Рубинштейн отрицал существование в какой-то мере обособленного мелкотоварного уклада в дореформенной России, очевидно, по той причине, что его наличие в XIX в. не укладывается в ту схему (периодизацию) экономического развития страны, которой он давно уже придерживался и которую изложил в своей дискуссионной статье.

Согласно этой схеме мелкотоварный уклад существовал в России лишь в XVII в., затем в следующем столетии он быстро разлагался и уже к началу XIX в. как таковой перестал существовать, сменившись капиталистическим укладом, который потом в пореформенное время заменяется уже капиталистической формацией. Совмещение указанных стадий во времени этой схемой, видимо, не предусматривается, и потому тезис о наличии мелкотоварного уклада на протяжении всего XIX в. весьма ей вредит. Защищая свою схему, Н. Л. Рубинштейн пытался сделать мелкотоварный уклад «незаметным», лишить его весомости, пытался внушить читателю мысль об отсутствии в этом укладе сколько-нибудь относительной самостоятельности и даже совсем его ликвидировать, объявив уклад только производством.

Напомню, что под «укладом» принято понимать всю совокупность общественных отношений, порождаемых определенным базисом, тогда как «производство» — понятие гораздо более узкое, не выходящее за пределы базисных явлений. Следовательно, противопоставлять «уклад» «производству» не имеет смысла, все зависит лишь от широты рассмот-

рения общественного явления. В крестьянской стране, какой была Россия в XIX в., развитие мелкотоварного уклада имело весьма обширные предпосылки¹.

Был ли мелкотоварный уклад в XIX в. остатком далекого прошлого, так что даже и название «уклад» теперь ему не пристало носить (разве что «производство»), или все же он тогда не потерял своего передового значения, по крайней мере до начала аграрного кризиса (до 80-х годов)? Сторонником первого решения вопроса выступил Н. Л. Рубинштейн, ко второй позиции склонялись как будто все остальные участники обсуждения. Полагаю, что обсуждение основного тезиса Н. Л. Рубинштейна об изживании и полном разложении мелкотоварного уклада еще в XVIII в. в обстановке в основном завершившейся ликвидации натурального хозяйственного строя деревни в рамках данной дискуссии, и без того перегруженной многими сложными и разнообразными вопросами, вряд ли целесообразно². Мне кажется, что я не ошибусь, если скажу, что для исследователей социально-экономической истории XIX в. данная проблема не существует: ленинская концепция эволюции революционно-демократического движения XIX в. базируется на признании, что в связи с неразвитостью рыночных отношений мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства выявился только в пореформенное время (и то спустя лет двадцать после реформы), — на дореформенное время падает лишь «начало товарного производства»³. О нарастании мелкотоварных хозяйств во второй половине XIX в. как явления прогрессивного хорошо сказал И. Д. Ковальченко (1962, № 2, стр. 91—92).

Но, не обсуждая сейчас вопрос о генезисе торговых связей крестьянского хозяйства, нельзя обойти вопрос о том, какое хозяйство мелкого производителя можно считать в полном смысле товарным.

Н. Л. Рубинштейн каждое сообщение источника об участии крестьян в торговле признает свидетельством ликвидации натурального строя крестьянского хозяйства. Однако и И. Д. Ковальченко товарно-денежное хозяйство понимает расширительно, как всякое крестьянское хозяйство, «которое уже не может обходиться без рынка». Он оспаривает мое понимание товаропроизводителя, как лица, выступающего на рынке с продуктом, являющимся избытком над продуктом необходимым и не имеющим для него потребительной ценности (1962, № 2, стр. 87—88).

Сразу же можно возразить И. Д. Ковальченко, что такое крестьянское хозяйство, которое «может обходиться без рынка», мы едва ли

¹ Н. Л. Рубинштейн попытался подкрепить свое мнение о невозможности говорить о мелкотоварном укладе по отношению к России XIX в. ссылкой на то, что В. И. Ленин пишет о нем лишь в применении к Советской России, причем говорит лишь о «кусочке уклада» (1962, № 4, стр. 66—67). Но если мелкотоварный уклад мог остаться в советскую эпоху только в «частичках» и «кусочках», это отнюдь не противоречит тому, что в XIX в., в особенности в 1860—1880-е годы, он мог быть относительно цельным и широко распространенным вкраплением в господствующую формацию. Необходимо напомнить, что о мелкотоварном или мелкобуржуазном строе пореформенной деревни В. И. Ленин писал весьма часто.

² Основные моменты расхождения отмечены в моей заметке по поводу статьи Н. Л. Рубинштейна в журн. «Вопросы истории», 1962, № 3. В рассматриваемой теперь дискуссионной статье Н. Л. Рубинштейн не затронул по существу поднятые там вопросы, он лишь повторил ссылки на известные материалы по экономике XVIII в., не отвечая на призыв к их серьезному критическому рассмотрению. Может ли исследователь игнорировать до некоторой степени отчетный характер ответов на анкеты XVIII в. и других описательных материалов, что, как естественно думать, вело к приукрашиванию в них хозяйственной действительности? Н. Л. Рубинштейн не ответил на этот вопрос, как и на вопрос о допустимости исчисления так называемых «излишков» продукции как показателя товарности без предварительного выяснения ее действительного развития. Доказывая бесспорный тезис о наличии элементов капитализма в хозяйственной жизни XVIII в., Н. Л. Рубинштейн упоминает большое количество фактов (1962, № 4, стр. 78—80), но многие из них отнюдь не могут служить доказательством зрелого капитализма, как, например, сам по себе факт роста городского населения.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 413—414, 520.

найдем на протяжении всего, не только позднего, но и раннего феодализма. Расширительного понимания товарного производства, подобно Н. Л. Рубинштейну и И. Д. Ковальченко, практически придерживаются и другие исследователи, но ему противостоит научное ограничение категории товара, лежащей в основе понятия «товаропроизводитель».

«Все товары не имеют потребительной стоимости для своих владельцев...»⁴. Необходимая предпосылка к тому, чтобы предмет утратил свою потребительную стоимость состоит в том, что он «имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца»⁵.

Конечно, данным свойством не исчерпываются все признаки товара, но этот один, пусть даже не основной, но неперенный его признак, указанный К. Марксом, помогает нам из той массы вещей, которые выбрасывались на рынок, выделить лишь те, которые отвечают научному понятию «товар». Сразу же из категории товаропроизводителей выйдут те сотни тысяч крестьян, которые на продажу несли продукты, отнятые у них и их семей силой принуждения и не потерявшие для них потребительского значения. Для крестьянского хозяйства такие продажи не были фактором прогресса, они лишь разрушали его производительные силы.

По этим и другим основаниям крестьянин в полном смысле слова не превращался в свободного самостоятельного товаропроизводителя в тех случаях, когда он продавал продукт только для уплаты оброка. Хотя при денежной ренте в феодальном хозяйстве товар и создавался, но для производящего его крестьянина он был лишь «неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги»⁶. Товар — всегда собственность продавца, прибавочный же продукт, продаваемый крестьянином, не принадлежал ему уже «на корню». Необходимо помнить, что здесь рассматриваются лишь теоретическая сторона проблемы и господствующее положение вещей. В действительности же включение крестьян в рыночные связи и товарное обращение даже в такой форме подготавливало крушение натурального строя деревни и имело все более значительные последствия по мере приобретения крестьянским хозяйством элементов самостоятельности. Не нарождались настоящий товаропроизводитель и тогда, когда крестьянин формально «свободно», по существу же принудительно, продавал зерно на винокурный завод своего помещика, потому что продавец при этом не был независимым частным собственником отчуждаемых вещей.

Я остановился на этих известных положениях, чтобы поправить высказывания И. Д. Ковальченко о признаках товарности и разрушения натурального строя крестьянского хозяйства. Глубоко ошибочно и другое его положение, что «с экономической точки зрения не имеет значения, продавал ли крестьянин излишки хлеба или необходимый ему хлеб. Важен сам факт систематической связи крестьянского хозяйства с рынком» (1962, № 1, стр. 82). Мы совершенно согласны с А. М. Анфимовым, указавшим на полную неприемлемость такого «экономического» подхода. Обращения крестьян к рынку имели разные стимулы, разное социальное содержание и, главное, глубоко различные, нередко противоположные исторические последствия; в частности, далеко не всякая, даже систематическая продажа крестьянских продуктов образовывала почву, необходимую для зарождения и развития в деревне элементов капитализма.

⁴ К. Маркс. Капитал, М., 1955, т. I, стр. 92.

⁵ Там же, стр. 94.

⁶ К. Маркс. Капитал, М., 1955, т. III, стр. 810. В литературе высказывалось и такое соображение, что у оброчного крестьянина при продаже не возникало формулы товарного обращения: товар — деньги — товар. (См. «О генезисе капитализма в странах Востока», М., 1962, стр. 180).

С точки зрения И. Д. Ковальченко, видимо, нельзя примирить факты широкого распространения крестьянских продаж еще за сто — двести лет до реформы с ленинским положением о ликвидации натурально-хозяйственного строя деревни в основном только в пореформенное время, при дифференцированном же подходе к крестьянским рыночным связям это мнимое «противоречие» рассеивается⁷.

В дискуссии возник вопрос о значении показателя товарности крестьянских хозяйств для изучения расслоения деревни. Сомнения И. Д. Ковальченко на этот счет мне кажутся неосновательными. Он не учитывает, что фактор, определяющий интенсивность изменений, не всегда совпадает с причиной этих изменений. При неизменности посевного материала прогнозы на урожай составляются прежде всего из учета метеорологических данных, хотя они лишь условия, а не причина роста растений. Примерно так же при относительной неизменности самой основы социального расслоения — неравномерного обладания крестьянами средствами производства — главным показателем динамики разложения патриархальной деревни становится степень развития торговли, как условия, сообщающего действенность основному фактору.

Таким образом, неправильным будет считать вслед за Н. Л. Рубинштейном, что в первой половине XIX в. мелкотоварное производство, на основе которого вырастал соответствующий уклад, было уже устаревшим явлением и его развитие тогда не означало поступательного движения в экономике. Конечно, в свете многочисленных исследований советских историков существование этого уклада в XVII в. очень заметно, однако до самой реформы 1861 г. мелкотоварный уклад еще не охватывал большей части непосредственных производителей.

* * *

Тенденция слишком преувеличивать темпы развития, которая проявилась в возражениях на мою статью Н. Л. Рубинштейна, под давлением критики в настоящее время заметно ослабла. Однако распространенная теперь у нас концепция социальных отношений в дореформенной России почти не оставляет в них места для мелкотоварного уклада по той причине, что эта концепция предполагает в массе крестьянства только явления хозяйственной деградации, обусловленные небывалым усилением крепостнического нажима. Если в последние десятилетия перед реформой вся масса крепостных, за исключением единичных представителей сельской буржуазии, хозяйственно деградировала, то этим исключался вопрос о тенденции к зарождению мелкотоварного уклада в сколько-нибудь широких размерах. Но так ли уже значителен был

⁷ И. Д. Ковальченко, Н. Л. Рубинштейн и со слов последнего А. М. Анфимов путем неправильного толкования одной моей фразы приписывают мне мысль о полном отрицании социального расслоения дореформенной деревни и ее товаризации (1962, № 1, стр. 82; № 4, стр. 76). Неправильность толкования состоит в том, что при цитировании мои оппоненты опускали начальные слова фразы: «В таких условиях товарное производство не могло интенсивно развиваться...» (1961, № 2, стр. 61). Подчеркнутые слова требуют рассмотрения данной фразы в связи с предыдущим текстом, в котором сообщается свидетельство современника о многолетних больших залежах непроданного хлеба у крестьян. Таким образом, при цельном рассмотрении текста смысл его таков: в условиях недостатка спроса товарное производство не могло развиваться интенсивно и не создавалась широкая основа для социального расслоения деревни. (Здесь подразумеваются условия, сложившиеся в определенном районе.) Непосредственно за тем я указываю районы широкого распространения товарного производства (1961, № 2, стр. 62). Какие же основания были у моих критиков приписывать мне отрицание бесспорного факта начала связи помещичьих крестьян с рынком и начала их расслоения, факта, в изучении которого, как они знают, я принял некоторое участие? Мысль о том, что «сколько-нибудь интенсивного развития мелкотоварного уклада в дореформенной деревне не было, а перерастание мелкотоварного производства в капиталистическое отсутствовало вовсе» (1962, № 1, стр. 82), не только не проводится в моей статье, но она глубоко противоречит ее содержанию.

крепостнический нажим, чтобы в последние предреформенные десятилетия он преграждал путь развитию производительных сил в крестьянском хозяйстве и закрыл бы возможность его продвижения к отделению от помещичьей экономии, к становлению мелкотоварного производства?

Я попытался показать, что при увеличении степени эксплуатации крестьян в первой половине XIX в. у помещиков все же сохранялась их корыстная заинтересованность в том, чтобы крестьяне не разорялись. Против этой моей позиции выступили Н. Л. Рубинштейн, И. Д. Ковальченко и Ю. Ю. Кахк, но возражения Н. Л. Рубинштейна и И. Д. Ковальченко и здесь страдают немалой сбивчивостью и недоговоренностью.

Неясно, например, положение И. Д. Ковальченко о несоответствии пропорции между ростом оброка и степенью эксплуатации крестьян. Очевидно, под этим подразумевается повышение доходной части бюджета крестьянина одновременно с увеличением обложения. Но если так, то моему оппоненту следовало бы прямо оспорить мое исходное положение, что в *массовых* случаях материальные ресурсы крестьян увеличивались слабо и до пропорции с увеличением оброка в 4—6 раз было далеко⁸. На повышении оброка сильно сказалось расслоение крестьянства в тех, в XIX в. уже не столь малочисленных, вотчинах, где оно далеко зашло. «Капиталисты» крестьяне брали на себя большую долю оброчной суммы, получая за это для себя льготы и приобретая право командовать в деревне⁹. «Средние» оброки в XIX в. в значительной мере теряют свое научное значение.

Я с удовлетворением воспринимаю признание И. Д. Ковальченко, что в настоящее время мы не можем выразить «в точных (прибавим от себя: и в весьма приблизительных.— П. Р.) показателях» усиление эксплуатации крестьян, а также признание «почти полной неизученности вопроса» в связи с его крайней сложностью (1962, № 1, стр. 76)¹⁰.

Я всячески хотел бы предупредить возможности истолкования моей позиции в том смысле, что я снижаю степень эксплуатации крестьян, приукрашиваю крепостничество и притупляю остроту социального конфликта. Если мне приходится здесь говорить об ограничительных моментах, то лишь для того, чтобы в угоду пафосу разоблачения крепостничества не приносилось бы в жертву представление о развитии крестьянского хозяйства как главной материальной опоры антикрепостнических движений и не выключалась бы основная масса помещичьих крестьян из хозяйственного прогресса.

Конечно, в доведении оброка к середине века примерно, скажем, до 30—40 руб. с тягла можно и нужно видеть сильнейшее угнетение крестьян крепостниками. Но не следует упускать из вида и другую сторону явления. Будучи в какой-то мере соотнесенным с платежеспособностью

⁸ Ср. исчисления С. Г. Струмилина: «За два века крепостного права — с половины XVII до половины XIX — урожайность наших полей повысилась в «самах» всего с 3,2 до 3,5, т. е. едва на 9—10%. Урожайность в 1800—1850 гг. — сам 3,50 (100%), в 1851—1860 гг. — сам 3,55 (101,4%)». (С. Г. Струминин. Очерки экономической истории России, М., 1960, стр. 147).

⁹ Нередко сам помещик выделял несколько человек для повышенного обложения (см. «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.», М., 1961, стр. 523, 565 и др.).

¹⁰ И. Д. Ковальченко запутывает совершенно ясный вопрос о преимуществах исчисления денежных сумм в серебре. Он справедливо пишет, что пересчет ассигнаций на серебро «дает более сравнимые данные о размерах оброка» (1962, № 1, стр. 77). Казалось бы, все разрешено этим заявлением. Но почему-то далее следуют, что «пока» все же лучше такой пересчет не делать. Мой пересчет оброка в Рязанской и Тамбовской губ., при всей его приблизительности, несомненно сделал показатели более реальными и точными. Соображения И. Д. Ковальченко в пользу расчетов на ассигнации предполагают такую отрешенность крестьян от рынка, какой уже давно у них не было. Но совершенно правильно его указание на необходимость подробного обследования денежного рынка в дореформенное время, в частности, фактов большого различия в ценности ассигнационного рубля в разных районах.

крестьянина, этот повышенный оброк может служить известным показателем развития крестьянского хозяйства в торгово-промышленном отношении¹¹. Здесь уместно напомнить результаты обстоятельных исчислений Л. Б. Генкина по оброчным крестьянам Ярославской губ. В 50-х годах их обычные платы помещику, государству и «миру» достигали 32—34 руб. сер. с тягла, что составляло 60—70% их чистого заработка в отходе, то есть за вычетом содержания самого отходника (пища, одежда, инструменты, проезд и т. д.). Остающаяся на руках сумма была не столь уж незначительна, если учесть, что чистый заработок исчислялся в 40—57 руб., к тому же у отходника имелось в деревне хозяйство, и уходил он на заработки часто не один из двора¹². Хотя в таком случае и обложение соответственно повышалось, но сама по себе «семейная кооперация» давала свои преимущества. В исчислениях Л. Б. Генкина учтены лишь чернорабочие, огородники, плотники, половые. Включение в оброчное обложение «капиталистских» крестьян чрезвычайно увеличивало бы «среднюю» цифру оброка. Отсюда, вероятно, и идут поражающие нас огромные показатели обложения. Если в них обстоятельно разобраться, то они скорее будут свидетельством процесса расслоения крестьян, чем многократного усиления эксплуатации всей крестьянской массы.

Частные исследования вотчинных архивов не подтверждают мнения о большом обезземеливании до реформы¹³. Переход земли от крестьян к помещику был, но, как видно, в степени не столь значительной, как это иногда рисуется в литературе.

В степных вотчинах Юсупова в 1829 г. площадь барской запашки составляла 12%, в конце 40 — начале 50-х годов — 25%, в конце 50-х годов — 18%¹⁴. Даже наивысший процент здесь не такой уже большой. К тому же расширение барской пашни в большой мере шло за счет поднятия целины, а не за счет земельного утеснения крестьян. Происшедшая в 40-х годах отрезка пашни у крестьян, самая большая за все рассматриваемое время, имела своей предпосылкой перевод крестьян на барщину, то есть от них взяли ту часть надела, которая и ранее обрабатывалась на помещика.

В огромных раскинутых по всей стране вотчинах Шереметевых и Воронцовых с начала XIX в. крестьяне были на оброке и почти вся пахотная земля состояла в их наделе.

Детальное изучение хозяйства Гагариных в четырех барщинных вотчинах Рязанской и Тамбовской губернии привело И. Д. Ковальченко к заключению, что «в целом, за исключением Покровского, в имениях Гагариных величина крестьянского надела оставалась примерно одинаковой почти в течение всего рассматриваемого периода», т. е. первой половины XIX в.¹⁵.

Этим наиболее, казалось бы, надежным данным противостоят исчисления, выполненные И. И. Игнатович. Путем сопоставления данных В. И. Семевского по XVIII в. и статистических таблиц из «Приложений к трудам редакционных комиссий» исследовательница показала значи-

¹¹ Оброк в 38—40 руб. асс. с души сами крестьяне в первой четверти века считали «умеренным» (см. «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.», стр. 565).

¹² См. Л. Б. Генкин. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 г. (К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и генезисе капитализма в России), т. I, Ярославль, 1947, стр. 132.

¹³ Тут не имеются в виду самые последние предреформенные годы, когда разработка реформы уже началась.

¹⁴ См. К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. По материалам архива степных вотчин Юсуповых, М., 1961, стр. 65, 91.

¹⁵ И. Д. Ковальченко. Хозяйство барщинных крестьян в Рязанской и Тамбовской губерниях в первой половине XIX в. «Исторические записки», т. 56, стр. 135.

тельное снижение размеров земли в пользовании крестьян к предреформенным годам. Эти исчисления получили широкое распространение, однако, как признавала сама И. И. Игнатович, данные эти весьма несовершенны. Есть основания считать, что последний большой натиск помещиков на крестьянские земли имел место в последние десятилетия XVIII в. и первые десятилетия XIX в., потом положение относительно стабилизировалось.

Это обстоятельство как бы примиряет наблюдения, сделанные по вотчинным архивам XIX в., с результатами исчислений И. И. Игнатович. Если не относить низкие показатели наделения помещичьих крестьян землей, заключающиеся в «Приложениях», целиком за счет предреформенного маневра помещиков, то можно считать, что в «Приложениях» в известной мере фиксируются перемены, происшедшие в основном еще в конце XVIII и самом начале XIX в. Оговоримся еще, что сильное обезземеливание, возможно, имело место в некоторых районах страны (например, западных) в самые последние годы перед реформой после первого открытого приступа к ее подготовке. Тогда же и в крестьянском движении сильнее зазвучали протесты против натиска помещиков на крестьянские земли¹⁶. Однако обстоятельные критические замечания Б. Г. Литвака по поводу мысли о предваряющей реформу большой помещицей чистке земель заставляют говорить о ней с осторожностью¹⁷.

Историк не может не учесть того обстоятельства, что в движении помещичьих крестьян второй четверти XIX в. отрезка земель у крестьян редко становится предлогом для выступления, что было бы весьма странно, если бы обезземеливание тогда получило широкое распространение¹⁸. Однако нельзя оспаривать факта увеличения феодальных тягостей в первой половине XIX в.: увеличивалось время работы на поле помещика, вырастал оброк, тягостно отзывались на крестьянах вторжения помещиков в их сложившийся хозяйственный быт (переводы из одной формы повинностей в другие, переселения и т. д.).

Но все это все же в размерах, в основном не превышавших хозяйственные возможности двора. Чрезмерные аппетиты помещиков умерялись недоимками и активным сопротивлением крестьян. «Крепостное хозяйство было известной правильной и законченной системой»¹⁹. У нас нет данных о том, что помещики до реформы начали энергично ломать эту систему. «Как известно, оброк определяется сообразно средствам мужиков заплатить его,— писал Н. Г. Чернышевский. — Если деревня не может выплачивать более 20 руб. серебром оброку с тягла, она и будет платить 20 руб., но если является у мужиков хотя несколько более денег, вы увидите, что оброк не замедлит возвыситься»²⁰. Как видно, мое суждение о соответствии повинностей и хозяйственных возможностей, смутившее своей «новизной» Ю. Ю. Какха и других участников дискуссии, не так уже ново.

Интересные сведения, содержащиеся в статье Ю. Ю. Какха, обращают наше внимание к тем районам, где нажим на крестьян был настолько значителен, что, возможно, действительно разрушал систему крепостного хозяйства. Это западные районы России, в том числе При-

¹⁶ См. М. В. Кукушкина. Движение помещичьих крестьян в великорусских губерниях в 1856—1860 гг. «Исторические записки», т. 68, стр. 128.

¹⁷ См. Б. Г. Литвак. О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г. «Исторические записки», т. 68, стр. 97—99.

¹⁸ В большом томе издания материалов «Крестьянское движение 1826—1849 гг.» (М., 1960) я обнаружил среди выступлений помещичьих крестьян лишь четыре случая протеста против отрезков (два в 1826 г., один в 1828 г., связанный с переводом крестьян на барщину, последний — в Волынской губ. (1844 г.) против уравнивания наделов).

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

²⁰ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 432.

балтика. Но констатация в них регресса крестьянских хозяйств под давлением крепостников-предпринимателей не дает основания считать, что те же явления обязательно должны наличествовать и в центральной России. Огромная территория нашей страны включала в себя весьма различные хозяйственные районы. В центральной России не было такой давней и систематической связи помещичьей экономии с внешним рынком, как в Прибалтике, а вместе с тем и не было такого глубокого проникновения предпринимательского начала в саму структуру экономики. Вместе с тем во внутренних губерниях общинные порядки давали известную самостоятельность крестьянским хозяйствам. Ю. Ю. Кахк вполне прав, говоря о том, что я не оспариваю наличия процесса пауперизации. Спорным является главным образом вопрос о ее причинах. Была ли здесь единственная причина — рост феодальных повинностей, как думают мои оппоненты в согласии с распространенной точкой зрения, или эта причина сочеталась с другими воздействиями на крепостную деревню? Я думаю, что были такие другие воздействия.

Почему ставится вопрос только о феодального типа пауперизации и игнорируется возможность появления пауперизации в результате усиления социального расслоения крестьянства? Наличие в деревне явлений, характерных для процесса первоначального накопления, давно констатируется в литературе. В промысловых селах Калужской губернии преуспевающие крестьяне энергично разоряли односельчан в условиях иногда ослабленного помещичьего режима. У барщинных крестьян процесс первоначального накопления детально описан В. Н. Кашиным²¹.

Нельзя пройти и мимо факта необычайных народных бедствий в 30—40-е годы. Из 17 лет восьмой ревизии (1833—1850) 11 отмечены неурожаями, в том числе 5 лет сильными; в течение 2 лет (1848—1849) неурожай сопровождался эпидемией холеры²². Болезнь особенно сказалась на крестьянстве — в 1848 г., вымирали целые деревни и села, особенно в черноземном центре²³.

Таким образом, выясняя причины роста числа обедневших крестьянских хозяйств в предреформенные десятилетия, мы можем добавить к постоянно упоминаемому увеличению феодальных повинностей, значение которого нельзя отвергать, также еще два важных обстоятельства: процесс первоначального накопления в деревне и стихийные бедствия 30—40-х годов. Второе обстоятельство сообщало кризисным годам черты тяжелого, но проходящего явления, первое свидетельствовало, что кризис крепостничества подготавлился не только регрессивными, но и прогрессивными процессами. Оно свидетельствовало о том, что сами признаки кризиса могли быть приметой действия восходящих токов в крестьянской среде.

* * *

Большое место в статьях моих оппонентов занял вопрос о движении численности крестьянского населения; можно сказать, что он стал центром сосредоточения проблемы о размере крепостнического нажима на крестьян и его последствиях. Степень возрастания сельского населения получила значение зеркала, всесторонне отражающего все условия жизни крестьянства. Можно порадоваться тому, что в рассмотрение

²¹ См. П. Г. Рындзюнский. Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х гг. XIX в. «Исторические записки», т. 4; Его же. Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах первой четверти XIX в. «Из истории крестьянства XVI—XIX веков». «Труды Гос. Исторического музея», вып. XXVII, М., 1955; В. Кашиный. Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX в. «Звезда», 1926, № 4, стр. 162—182.

²² А. Г. Рашинов. Население России за 100 лет, М., 1956, стр. 36—37.

²³ Большой материал о бедствиях 1848 г. собран в монографии А. С. Нифонтова «Россия в 1848 году», М., 1949, стр. 19—30.

актуальных вопросов истории народа включается материал, ранее рассматриваемый обособленно, в замкнутом кругу демографической статистики. Следует присоединиться к пожеланию Ю. Ю. Какха, чтобы наша советская историко-демографическая наука успешно развивалась. Важно не только полностью охватить материал по статистике населения,— он не будет служить нашей исторической науке, если в его исследовании будут сказываться пережитки формального метода. Ликвидировав их, демография станет весьма важной вспомогательной исторической дисциплиной.

В сокращении численности крепостных крестьян, не только относительной, но и абсолютной, если такое сокращение действительно имелось, некоторые исследователи находят сильнейшее подкрепление мысли о массовой деградации крестьянских хозяйств под влиянием усиленных феодальных притеснений. И. Д. Ковальченко говорит об особой «важности этого вопроса» (1962, № 1, стр. 78). В физическом вымирании помещичьего крестьянства усматривается символ и ярчайшее доказательство экономической немощи этого класса, его беспомощности перед наступающим помещиком²⁴.

Главным доказательством вымирания помещичьего крестьянства единственно по причине страшно усилившегося крепостнического гнета у историков, признающих наличие вымирания и так его объясняющих, служит не само по себе сокращение прироста в тяжелые годы болезней и недородов хлеба, которое естественно было у всех податных сословий, а резкая разница в изменении численности у обеих основных категорий сельского сословия: у государственных крестьян всегда прирост, у помещичьих крестьян либо значительно меньший относительный прирост, либо даже сокращение абсолютной численности. Вопрос существенный,— постараемся осветить его в предварительном порядке (разработка статистических материалов мною еще продолжается) и поскольку это можно сделать в ограниченных пределах настоящей статьи.

Мы до сих пор пользуемся публикациями по статистике населения более чем столетней давности,— свежих публикаций почти нет. Поэтому целесообразно привести здесь еще не вошедшие в научный оборот основные показатели динамики численности крепостных и государственных крестьян за 1830—1850-е годы, почерпнутые из государственных окладных книг и подготовительных к ним документов. В таблице 1 отделяются периоды между ревизиями от времени самого проведения ревизии. Значение такого выделения будет ясно из последующего изложения. В таблице даются сведения по всему государству, кроме Бессарабии и Закавказья; под помещичьими крестьянами разумеются собственно крестьяне, принадлежавшие помещикам, дворовые, крестьяне прибалтийских губерний «на условном праве» и так называемые ординатские крестьяне в Волынской и Подольской губерниях. Под государственными крестьянами разумеются крестьяне разных категорий, объединяемые под этим названием в окладных книгах.

Показатели таблицы прежде всего сообщают нам, что *сокращения абсолютной численности (вымирания) крепостных крестьян за рассматриваемое время не было*. Был прирост (следует помнить, что по X реви-

²⁴ В своей статье И. Д. Ковальченко останавливается на вопросе об уменьшении всего населения в результате массовых бедствий (эпидемии, неурожая, войны) второй четверти XIX в. Вряд ли была необходимость доказывать этот бесспорный тезис. Отмечу лишь, что предложенная поправка к исчислениям А. Г. Рашина (1962, № 1, стр. 78), усиливающая впечатление сокращения прироста, недостаточно обоснована. Показатель 1811 г. следовало бы поправлять не по К. Герману, а по публикации советского историка В. М. Кабузана (1959, № 5, стр. 138). В этом случае исправление расчетов А. Г. Рашина было бы совсем незначительно. Замечу еще, что все предлагаемые «поправки» к данным церковного учета столь велики и произвольны, что заставляют решительно отказаться от их использования в качестве основного источника при выяснении естественного прироста населения.

Движение численности крепостных и государственных крестьян в 1834—1858 гг.²⁵
(в тыс. душ м. п.)

Периоды	Численность крепостных крестьян	Численность государствен- ных крестьян	В % ко всему населению	
			крепостные крестьяне	государствен- ные крестьян
Время проведения VIII ревизии				
1834 г.	9910,1	6141,7	47,6	29,5
1836 г.	11373,0	7827,5	46,2	31,8
разница	+1462,9	+1685,8		
Время между VIII и IX ревизиями				
1836 г.	11373,0	7827,5		
1851 г. (I половина)	11157,6	8338,1	44,1	33,0
разница	—215,4	+510,6		
Время проведения IX ревизии				
1851 г. (перв. половина)	11157,6	8338,1		
1852 г.	11214,3	9542,8	40,1	34,1
разница	+56,7	+1204,7		
Время между IX и X ревизиями				
1852 г.	11214,3	9542,8		
1857 г.	11152,8	10964,8	39,8	39,1
разница	—61,5	+1422,0		
Время проведения X ревизии				
1857 г.	11152,8	10964,8		
X ревизия (по ведомости				
1860 г.	11154,4	11849,1	40,3	42,7
разница)	+1,6	+884,3		
Изменения за время проведения VIII, IX и X ревизий	+1521,2	+3774,8		
Изменения в периоды между ревизиями	—276,9	+1932,6		
Итого	+1244,3	+5707,4		

зии окладные книги не сохранились и данные по ней занижены, так как не учитываются приписные и беглые, всегда особенно многочисленные у помещичьих крестьян), хотя прирост весьма небольшой, так что обобщенно можно говорить о застое численности помещичьих крестьян во время IX и X ревизий.

Но таблица позволяет произвести и другое весьма важное наблюдение — о путях формирования обеих категорий крестьянства. Между ревизиями изменение численности сословных групп происходило лишь по двум причинам, — во-первых, от возврата беглых и учета прописных и, во-вторых, от переходов между сословиями. В период проведения самих ревизий эти два источника изменений продолжают действовать, но к ним присоединяется третий — учет результатов ревизии. К сожалению, отделить показатели изменений по этому третьему источнику мы не можем, так как в окладных книгах поступления от ревизии суммировались с поступлениями из неокладных званий и со льготы. Но для исследования вырастает значение периодов между ревизиями, потому что в них в полной чистоте выявляется действие одной причины изменений — межсословные переходы (влияние возврата беглых и обнаружения прописных легко отделяется, так как они фиксировались обособленно).

Из наблюдений над показателями по промежуточным периодам делаем второй весьма важный вывод — о глубоком различии в путях формирования двух сословных разновидностей крестьянства.

²⁵ Источники: государственные окладные книги (ЦГИАЛ, ф. 571, оп. 9) за 1826—1843 гг. (д. 24), за 1851 г. перв. пол. (д. 49), за 1852 г. (д. 51), дело «По 10-й народной переписи с ведомостями» (ф. 571, оп. 6, д. 1080). Это последнее дело указано мне В. М. Кабузаном, за что я приношу ему большую благодарность.

Из общей прибыли в 5,7 млн. рев. душ государственные крестьяне не менее 2,0 млн. получили только за счет прихода из других сословий (поступления за промежуточные между ревизиями годы), а не за счет естественного прироста (заявленные беглые и прописные дали лишь около 4% прироста). Большая, но точно нам неизвестная часть из остальных 3,7 млн. также пришла из других сословий во время самого проведения ревизий.

Иное дело у помещичьих крестьян. В итоге межсословных переходов у них происходила только отдача, т. е. убыток. Естественный прирост — единственный источник их пополнения — в период от IX к X ревизии фактически мог лишь покрыть убыль от ухода в другие сословия и в другие губернии. Тогда помещичьи крестьяне *отдали* в другие сословия более 60 тыс. ревизских душ, а государственные крестьяне за то же время *приобрели* без малого полтора миллиона новых податных единиц (частично как раз из тех, которые ушли из разряда помещичьих крестьян).

Несколько уточняют наши сведения о переходах данные из специальных таблиц окладных книг, которые сведены в таблицу 2.

ТАБЛИЦА 2

Переходы в сословия крепостных и государственных крестьян за 1826—1849 гг.²⁶

Откуда прибыло или убыло	Помещичьи крестьяне		Государственные крестьяне	
	прибыло (+) или убыло (—) в тыс. рев. душ	в % к итогу	прибыло (+) или убыло (—) в тыс. рев. душ	в % к итогу
Разница от переходов из неокладных званий и со льготы и от выбытия туда же *	+1731,9	+116,0	+1706,3	+83,2
Разница от переходов из других податных званий и от выбытия туда же	—343,0	—23,0	+331,9	+16,2
Из вольноотпущенников и отсужденных от помещиков	—	—	+13,3	+0,6
Возврат из бегов и разница между прописными и излишне записанными	+250,4	+17,0	+92,1	+4,5
Разница от переходов из губернии в губернию	—146,3	—10,0	—92,4	—4,5
Итого:	+1493,0	100,0	+2051,2	100,0

* *Примечание:* поступления от ревизий фиксировались по первой статье (из неокладных званий и со льготы).

Различные путей формирования крестьянских сословий здесь видно весьма отчетливо. Баланс переходов между податными сословиями у помещичьих крестьян отрицательный, убыток этот не может покрыть и возврат беглых и учет прописных — статья прихода, которая у крепостных более чем в четыре раза весомее, нежели у государственных крестьян. Чтобы численность помещичьих крестьян росла, прибыль от ревизии (она показана в первой статье вместе с прибылью из неокладных и льготных групп) должна дать излишек от покрытия дефицита по другим статьям. Иное дело у государственных крестьян: там все дает прибыль, кроме перехода из губернии в губернию (и то убыль по этой статье значительно меньшая у государственных крестьян, чем у помещичьих). Поступления от ревизии у государственных крестьян целиком шли на увеличение численности их сословия.

²⁶ Источники: Государственная окладная книга за 1826—1842 гг. и за годы с 1843 по 1849 г. включительно (ЦГИАЛ, ф. 571, оп. 9, д. 24, 41—47).

Из приведенных данных видно, какую большую ошибку мы делали, когда, наблюдая от ревизии к ревизии разные темпы увеличения численности двух категорий крестьян, усматривали в этом показатель различия в их естественном приросте!

Мы должны прийти к тому выводу, что *коль скоро комплектование двух сравниваемых групп крестьян шло существенно различными путями, сопоставление темпов их роста или удельного веса для выяснения различий в естественной прибыли совершенно не оправдано*. Такие сопоставления имеют значение лишь как ряд статических моментов, а отнюдь не для уяснения динамики развития.

Разница в естественном приросте помещичьих и государственных крестьян, видимо, была, но не такая существенная, как это представлялось нам раньше.

Особое значение имеет то обстоятельство, что многие категории крепостных людей непрерывно переходили в государственные крестьяне. В соответствующих графах окладных книг мы встречаем освободившихся посессионных крестьян (в 1850 г. их было причислено в мещане и крестьяне 2,8 тыс. рев. душ., а в 1854 г. уже 15,6 тыс.), отсужденных от помещичьего владения в составе некоторых других (в 1850 г. их 5,8 тыс., в 1852 г. 6,2 тыс.), вольноотпущенных крепостных и дворовых людей, перешедших в мещане и государственные крестьяне (в 1850 г.— 26,5 т., в 1852 г.— 75,9 т.) и т. д.

Отказавшись от неоправданной мысли о вымирании крепостных крестьян и сильно уменьшив представление о разнице в естественном приросте помещичьих и государственных крестьян, мы получим большее соответствие между демографическими показателями и нашими суждениями об общности (в основном) экономических судеб двух основных групп крестьянства крепостной России.

Если давать однообразное объяснение небольшого роста крепостного населения, ссылаясь на усиление феодального гнета как единственную на то причину, мы в ряде случаев будем наталкиваться на необъяснимые с этой точки зрения явления. Несомненно, что усиление феодальных повинностей было общей и главной причиной небольшого естественного прироста у крепостных, на что указывает В. И. Ленин, но этот общий фактор сочетался и перекрещивался с другими обстоятельствами.

Для проверки попробуем объяснить изменения численности помещичьих крестьян между 1834 и 1858 гг. в отдельных районах страны лишь степенью феодального нажима.

При таком объяснении мы столкнемся с рядом несообразностей. Относительно «благополучные» 9 нечерноземных губерний, где был развит оброк и помещичий нажим не очень усиливали, прирост помещичьих крестьян составлял лишь 6,9%, в то время как в главном образом барщинных 10 губерниях Центрально-черноземного района он равен был 14,4%. Скромнее прирост, но все же больший, чем в промышленной полосе, у усиленно разоряемых крепостниками крестьян шести белорусских и литовских губерний (10,0%). Сильнее всего росло крепостное население в колонизируемых пространствах юга и юга-востока (54,1% — в шести губерниях).

Эти сопоставления наталкивают на вывод, что, хотя усиление крепостнического гнета несомненно было главной причиной медленного роста численности помещичьих крестьян, все же оно не всегда было определяющим фактором изменений.

Было какое-то другое мощное воздействие, порою пересиливавшее степень крепостнического нажима. Какое же? Тут прежде всего выдвигается на первый план *подвижность населения*, налагающая свой сильный отпечаток на показатели численности деревенского населения.

Выразительно следующее соотношение между количеством паспортного сбора (среднегодовая сумма за пятилетие 1846—1850 гг., разделен-

ТАБЛИЦА 3

Паспортный сбор на 1 тыс. окладных рев. душ (в руб.)	Группы губерний	Изменение численности всего населения	
		в тыс. рев. душ	в %
Более 300	Петербургская, Московская	убыло 0,2	—
200—300	Ярославская	прибыло 7,8	1,8
150—200	Калужская	» 10,5	2,3
100—150	Тверская, Владимирская, Рязанская	» 82,5	4,6
50—100	Тульская, Костромская, Псковская, Орловская	» 42,8	2,1
25—50	Тамбовская, Воронежская, Новгородская	» 66,4	3,5
Менее 25	Саратовская, Симбирская, Пензенская, Самарская	» 250,3	11,7

ная на число всех окладных душ за 1850 г.), в котором можно видеть показатель подвижности населения, и процентным повышением численности населения по 18 губерниям между VIII и IX ревизиями (см. табл. 3)²⁷.

Разумеется, при множестве воздействий основные факторы не определяют показатель каждой губернии, но все же с достаточной уверенностью можно сказать, что чем больше отход, тем меньше прирост населения. Формально отход не должен был бы влиять на перепись. Но, конечно, жизнь шла не по велениям законов.

Уход на большие сроки не мог не сказываться на приросте населения уже просто самим по себе фактом долговременного отсутствия в семье мужчины (уходили и женщины, но значительно реже). Проблема прироста населения — это прежде всего проблема потомства, которое при «нормальном порядке» не только должно было дать новые «реvizиские души» помещику, но и восполнить смертность его крепостных. При длительном отходе крестьянина из деревни, где он был приписан по прошлой ревизии, эта закономерность нарушалась.

Вряд ли надо приводить доказательства тому, какие широкие размеры принял длительный отход из деревень, они в большом числе известны каждому знакомому с источниками по первой половине XIX в. Многочисленны указания современников, что в деревнях земледелием занимаются женщины, что «мужиков» там почти не видно. «Мужики ходят по всей России и одни только старики, бабы и дети сидят дома», — писал В. И. Даль о помещичьих крестьянах. Он отмечал, что «мужики в расцвете лет зарабатывают хлеб на чужбине», не заботясь о продлении паспортов, и лишь временно, «почти на побывку» возвращаясь к себе домой. В. И. Даль дает очень красочную картину развертывающегося массового отторжения крестьян от родных мест²⁸.

Порою отход переходил в побег. Отвечая на запрос о последствиях для помещичьих имений большого изъятия рабочей силы в годы вой-

²⁷ Данные о паспортных платежах из отчетов Департамента разных податей и сборов за соответствующие годы. Данные о численности окладного населения из Окладной книги на 1850 г. (ЦГИАЛ, ф. ДРПС, оп. 9, д. 49), данные об изменении числа всего населения взяты из окладных книг. Здесь сообщаются материалы предварительного изучения вопроса.

²⁸ В. И. Даль. Хлеб, соль и явь. «Русские повести XIX века, 40—50 годы», т. I, М., 1952, стр. 653. Характерно, что, несмотря на отход, посевные площади помещичьих крестьян все же росли. И. Д. Ковальченко собрал большой материал, характеризующий это явление, но испортил его своими расчетами «на душу» населения, используя совершенно непригодные для такого расчета данные ревизий. (См. И. Д. Ковальченко. К вопросу о состоянии хозяйства и положении помещичьих крестьян Европейской России в 40—50 годах XIX в. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки». 1959, № 2, стр. 75—97.)

ны, из многих губерний сообщали о громадном развитии долговременного отхода. Например, из Нижнего Новгорода писали, что из губернии «в большом числе» помещичьи крестьяне ходят в весьма отдаленные места, в том числе на золотые прииски в Сибирь, на астраханские рыбные промыслы и т. д. Они не возвращаются оттуда в течение многих лет, «несмотря на настойчивые вызовы владельцев». Ушедшие не несут рекрутскую повинность, не платят податей и оброков (не возвращаются с берегов Енисея и Каспийского моря к моменту ревизии, добавим мы от себя)²⁹. Фактически это побеги крепостных. У нас нет специального исследования этого явления, но известный материал позволяет думать о больших и все нарастающих размерах побегов³⁰.

Мне кажется, что И. Д. Ковальченко недооценивает влияния невозвращающихся в деревню крестьян, в особенности если учесть, как сказано выше, что на численности крестьян по новой ревизии сказывалось не столько исчезновение людей, бывших в прошлую ревизию, сколько сокращение благодаря их отсутствию возможности появления потомства. Замечание И. Д. Ковальченко, что беглые «автоматически» не выключались из ревизского учета, так как помещик был заинтересован в сохранении за собой права на крестьянина (1962, № 1, стр. 78), вряд ли имеет существенное значение. Право это закреплялось сказкой любой прежней ревизии и сказкой текущей ревизии с отметкой «в бегах». Главное, что давно исчезнувший крестьянин был для владельца «мертвой душой», которая много стоила ему и его крестьянам, но ничего помещику не давала и почти не оставляла надежд на возвращение беглеца. Мало было оснований, вопреки закону, оформлять такого беглого человека как наличного. Характерно, что в сообщении нижегородских дворян и администраторов, о котором говорилось ранее, выражается большое недожество тем, что невозвращающиеся из отхода люди разоряют деревню, так как оставшиеся должны за них выполнять все государственные и местные повинности. Логически из этого следует, что помещики отнюдь не прочь были избавиться от номинально числящихся на них крепостных, тем более, что, как сообщали из многих губерний, велик был избыток рабочей силы и помещики затруднялись занять всех крестьян работой³¹.

Ревизский учет — прямой сколок крепостнической системы — переживал судьбу породившего его строя: его разложение шло даже скорее и сильнее, чем распад крепостничества в целом. Свидетельство тому — неуклонный рост прописных и беглых. Во главе борьбы с ненавистными народу ревизиями шли крепостные крестьяне. Первое место они занимали в федосеевском и бегунском движении. Сотни тысяч людей на Севере, в Поволжье, в Сибири, на Юге — по всей стране, собирались в своеобразные организации, которые укрывали беглых и многих из них оформляли обходными путями в «свободные звания». Не записываться в ревизию — главный лозунг движения, который отстаивался с необычайной самоотверженностью. Влияло ли это своеобразно организованное сопротивление ревизии многотысячных крестьян на ее успех? Мы не сомневаемся, что участие крестьян в освободительном движении в большой мере сказалось на полноте казенного учета.

²⁹ Л. А. Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании (по официальным данным). «Архив истории труда в России», Пг., 1923, кн. X, стр. 130—131.

³⁰ И. А. Гуржий собрал материал, свидетельствующий о большом количестве побегов. См. его книгу «Борьба крестьян и рабочих Украины против феодально-крепостнического гнета», Киев, 1958, стр. 69—82.

³¹ И. Д. Ковальченко считает, что поскольку у государственных крестьян прирост со временем сокращался, хотя бегства в таком размере, как у помещичьих, не было, значит, дескать, побеги не играют роли в изменении численности и помещичьих крестьян. Это странное недоразумение — ведь у государственных крестьян были свои причины снижения темпа прироста (например, уменьшение перевода в их сословие других групп после VIII ревизии, бедствий неурожаев и мора).

Вернемся к исходному вопросу: можно ли на основании замедленного прироста крепостного населения говорить о попятном движении в массе крестьянских хозяйств, о таком их зажиме, который исключает их в какой-то мере экономическое высвобождение, как это думают мои оппоненты И. Д. Ковальченко и Ю. Ю. Какх? В свете изложенного видно, что, несмотря на усиленный помещичий режим, понижавший прирост числа людей в крепостной деревне, несмотря на страшную убыль людей от больших неурожаев и эпидемий 30—40-х годов — несмотря на все это, сокращение прироста имело и другой смысл и значение. Оно отражало успехи постепенного выключения помещичьих крестьян из родной деревни, где крепостной находился под повседневным тягостным надзором помещика и его агентов. Главные формы этого выключения, как говорилось выше, — отход, а еще радикальнее — бегство.

Те и другие формы выключения вели к развитию мелкого товарного производства и зрелых форм капитализма. В отношении эпохи, называемой некоторыми историками началом промышленного переворота, невозможно экономический прогресс видеть в том, что крестьяне не сходят с насиженных мест, усиленно производя свое потомство для пополнения «крещеной собственности» своего господина. Если говорить о промышленном перевороте, придерживаясь принципа закономерной связи явлений, то нельзя рассчитывать, что передвижение населения тогда шло в темпах и нормах, соответствующих неуклюжей и архаической ревизской системе, что эта система оставалась способной более или менее полно охватывать перемещающиеся в невиданных ранее размерах массы народа.

В сокращении темпов роста крепостного населения я, расходясь с И. Д. Ковальченко и Ю. Ю. Какхом, склонен усматривать не только показатель влияния усиливавшегося феодального режима, но и проявление экономического и социального прогресса.

Интересно отметить, что в подробном критическом разборе статьи А. Г. Тройницкого «О числе крепостных людей в России» Н. Г. Чернышевский, рассматривая вопрос о причинах сокращения численности крепостных, не поставил этот факт в связь с крепостническими условиями; в сокращении числа крепостных он усмотрел лишь прогрессивное явление, родственное готовящейся реформе, — медленно идущий процесс высвобождения крестьянства из феодальных условий³². Не следует ли нам серьезно учесть это понимание показателей статистического источника доброжелательным знатоком и исследователем народной жизни?

* * *

Подхожу к узловому вопросу дискуссии. Если помещики не разоряли вконец своих крестьян, если повинности продолжали в какой-то мере соотноситься с платежеспособностью двора, то где же у меня тогда социальный конфликт — спрашивают меня мои сотоварищи по дискуссии, — где источники кризиса крепостничества?

Недоумения эти весьма показательны для тех, кто весь источник движения видит лишь в хозяйственной воле помещика, закрывая глаза на возможность проявления инициативы у самой крестьянской массы. Но причиной конфликта может оказаться не один какой-то фактор. Бочку разрушит и тяжелый груз, положенный на нее сверху, но она будет разорвана и без участия внешнего давления, от напора бродящего и расширяющегося ее содержимого. Социальный конфликт растет от усиления феодального гнета, но источником его будет и развивающееся крестьянское хозяйство, которому все труднее укладываться не только в «нормальные», но даже ослабленные феодальные условия.

³² Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., стр. 559.

Какой же источник конфликта действовал в предреформенные годы? В сочетании и тот и другой.

Так как взаимопонимание в этом вопросе особенно важно, укажу на некоторые примеры, свидетельствующие, что предложенное его решение исходит не только из теоретических соображений. В оброчном селе Беклемишеве Мещовского у. Калужской губ. вотчинная власть мало давала о себе знать, там был умеренный оброк, далеко живущий пассивный помещик. Но в условиях этого ослабленного режима, и в значительной мере благодаря ему, разыгрывается острый конфликт: возникают сложные взаимоотношения между крестьянами, помещик оказывается бессильным вмешаться в ход дел в селе.

А вот эпизод из жизни барщинной деревни. Помещик Гагарин не слишком обременял крестьян дер. Салтыковы Буты Спасского уезда Тамбовской губ. На тягло приходилось по $\frac{1}{4}$ дес. барской земли в поле для обработки, а надел состоял из 8 каз. дес. При проверке землепользования неожиданно для помещика «обнаружился не только большой пример (излишек. — П. Р.) в полях крестьянских, но вместе с тем неравенство собственного их поделения, так что иные крестьяне владели по 30 дес. в поле, а другие едва имели по десятине, то есть богатые крестьяне от время до время, снимая в наймы у бедных их участки, наконец завладели оными». Вотчинное правление распорядилось уничтожить «примеры» и уравнять наделы. «Первое распоряжение взволновало всех крестьян, а второе породило буйство в богатейших, обыкновенно толпою народною управляющих и к сему присоединилось»³³. Вспыхнуло сильнейшее крестьянское сопротивление. Крепостнический режим тут был ослаблен, он допустил относительно самостоятельное далекое развитие собственно крестьянского хозяйства. Активная сторона — крестьяне. Они наступали на помещичьи земли, они восстали на защиту сложившегося в селе хозяйственного уклада.

Приведенными примерами, разумеется, я могу не столько доказать правоту своего решения вопроса, сколько лишь проиллюстрировать его. Не только сжимающейся и вымирающей, или не только обороняющейся предстает перед нами деревня со страниц Некрасова и Салтыкова-Щедрина, не только такой она выглядит в подлинных современных документах. «...Крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика,— писал В. И. Ленин.— Он мог проводить часть времени на своем участке, мог, так сказать, до известной степени принадлежать себе, и крепостное право при более широкой возможности развития обмена, торговых сношений все более и более разлагалось, и все более расширялся круг освобождения крестьянства»³⁴. Ясно, что тот «круг освобождения», о котором говорил Ленин, означает конфликт. Но он возникает не по инициативе помещика, а в ходе развития крестьянского хозяйства. Отметим, что в приведенных ленинских словах содержится вся та доля «бесконфликтности» и «эволюционизма», которая мне инкриминируется моими критиками³⁵. И. Д. Ковальченко замечает, что я не доказал преобладания восходящих токов в хозяйстве крепостных крестьян (1962, № 1, стр. 79). Разумеется, что когда такой вопрос ставится в ряду многих других вопросов в небольшой по объему статье, то его постановкой в основном и приходится ограничиваться. Но и тезис И. Д. Ковальченко о том, что экономическое выражение кризиса состояло

³³ «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.», М., 1961, стр. 654.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 444.

³⁵ Н. Л. Рубинштейн приписывает мне признание «эволюционного вращивания крестьян через товарное производство в капитализм» (1962, № 4, стр. 75). Это один из, к сожалению, нередких примеров спора Н. Л. Рубинштейна с положениями, им же самим приписанными критикуемому автору. Мне также приписывается мысль, что крепостной режим давал крестьянину возможность «оставлять у себя прибавочный продукт» (там же). Между тем на указанной странице содержится прямо обратное тому положение. Нечего и говорить, как подобные приемы спора мешают обсуждению вопроса.

в явлениях застоя и упадка у основной массы крестьянских хозяйств, трудно согласовать с тем несомненным фактом, что лежащее в основе кризиса развитие производительных сил прежде всего сказывалось в главной производственной ячейке феодального общества — крестьянском хозяйстве. Тезис И. Д. Ковальченко трудно будет принять тем, кто не сомневается в типичности приведенных выше примеров острых конфликтов, возникавших на базе развития крестьянского хозяйства, тем, кто достаточно уделяет внимания свидетельствам о стихийном процессе расширения экономической независимости крестьян, тем, кто учитывает размеры и экономические последствия выхода крестьян на длительный срок из крепостного поместья.

* * *

Идеализация мелкого хозяйства было характернейшей чертой наиболее многочисленного отряда апологетов капитализма и врагов пролетарского социалистического движения в России, начиная от либеральных народников и кончая противниками коллективизации в Советское время. Эти сторонники утверждения или реставрации капитализма скрывали тот факт, что «мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства, деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме»³⁶.

В нашей исторической литературе утвердилось мнение, что период примерно первого двадцатилетия после реформы 1861 г. является периодом утверждения капитализма в России, т. е. временем переходным к периоду победившего зрелого капитализма. Значение и сущность мелкотоварного производства и уклада в земледелии естественно должны были быть различны в эти два периода социально-экономического развития второй половины XIX в.

Выявились значительные расхождения между моими оппонентами по данному вопросу. На крайних позициях оказались Н. Л. Рубинштейн и А. М. Анфимов. Первый утверждал, согласно своей схеме (периодизации), о которой говорилось выше, что мелкое товарное хозяйство, ставшее пережиточным явлением еще к началу XIX в., по количеству крестьянских дворов имело очень малый удельный вес в деревне с самого начала пореформенного времени. Противоположное понимание у А. М. Анфимова: даже в XX в., до самой Октябрьской революции мелкотоварное производство не теряло своего передового и преобладающего значения в деревне (А. М. Анфимов оговаривает предположительность этого своего решения). Оба эти участника обсуждения вопроса, таким образом, отказываются от мысли о членении пореформенного периода на этапы. В связи с этим здесь уместно напомнить ленинское понимание мелкотоварного производства как первого подготовительного этапа в развитии капитализма. «Разбивая средневековые латифундии, капитализм *начинает* с более „уравнительного“ землевладения, создавая уже *из него* новое крупное земледелие»³⁷. Сами эти ленинские слова ставят перед нами задачу раскрыть картину движения в русском аграрном строе. Одновременно они с особой четкостью показывают ошибочность трактовки мелкого производства в пореформенное время у Н. Л. Рубинштейна как только порождения капитализма или как лишь его «части» и «дополнения». И. Д. Ковальченко хорошо разъяснил, каким образом в период быстрого развития зрелого капитализма существовала и развивалась его подготовительная стадия — мелкое товарное производство (1962, № 1, стр. 93). Я с удовлетворением отмечаю, что И. Д. Ковальченко и А. М. Анфимов в приведении мною данных о

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 72.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 213.

сохранении численности мелкого производства в пореформенное время не усмотрели моего тяготения к тому, чтобы доказать «устойчивость» этого производства, как это счел возможным сделать Н. Л. Рубинштейн (1962, № 4, стр. 80). Ни в этой, ни в предыдущей статье я, разумеется, не мог назвать все, даже существенные проблемы, связанные с темой о мелкотоварном укладе. Но нельзя здесь не упомянуть большой проблемы, вытекающей из весьма важных указаний В. И. Ленина, которые предостерегают нас от решения вопроса о значении и удельном весе мелкотоварного уклада абстрактно-социологическим путем, без должного учета конкретно-исторической обстановки в исследуемой стране. «Если где-нибудь в Англии падение крепостного права создало действительно самостоятельных и свободных крестьян,— писал В. И. Ленин,— то наша реформа сразу совершила переход от „позорного“ крепостного прибавочного продукта к „свободной“ буржуазной сверхстоимости»³⁸. Из этих слов вытекает, что не следует слишком преувеличивать распространение режима мелких товаропроизводителей, которое могло быть вообще лишь в тех странах, в которых произошло революционное крушение феодализма.

Мне кажется, что в понимании общих вопросов развития мелкого товарного производства во второй половине XIX в. наши позиции с И. Д. Ковальченко близки. Я согласен с тем, что сведениями о земельной площади и продуктивности мелких хозяйств можно было бы пополнить приведенные мною данные. Но никак не могу согласиться с его намерением этими показателями всесторонне определять удельный вес уклада в сельском хозяйстве. Эту тенденцию я усматриваю у И. Д. Ковальченко в его расчетах величины земельной площади и размерах продукции, противопоставляемых моим расчетам. Конечно, в определенном отношении бывает существенно выявить экономическую мощь различных крестьянских группировок, но такой анализ не может быть всеопределяющим критерием их весомости. Разве историческая значимость процесса умножения крестьянских бедняцких хозяйств ущемляется от того, что они все вместе давали лишь мизерную часть сельскохозяйственной продукции? Разве историческая значимость процесса освобождения крестьян из крепостнических условий ослабляется от того, что освобожденный крестьянин обычно выходил экономически слабым? Такие процессы десятинами земли и пудами хлеба не измеришь. Я объясняю суженный подход к оценке общественных явлений у И. Д. Ковальченко его не раз в статье прямым высказанным намерением: выявлять лишь экономическую сторону дела. Надо сознавать, что, выбрав какой-то определенный угол зрения, исследователь лишается возможности судить об общественном явлении в целом³⁹.

Таким образом, основные положения моей статьи о судьбах мелкого товарного уклада в пореформенное время принципиально теоретически-ми соображениями оппонентов, как мне кажется, не были поколеблены. Но в их статьях содержалась оценка методов статистической разработки: Н. Л. Рубинштейн и И. Д. Ковальченко дали свои опыты разработки того же статистического материала. Рассмотрим их коротко. Пересчет землевладения 1877 и 1905 гг., проделанный И. Д. Ковальченко, только дополняет сделанные мною ранее расчеты. О значении относительно небольшого размера земельной площади у некрупных собственников, смутившего И. Д. Ковальченко (1962, № 1, стр. 91), я говорил уже выше.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 473.

³⁹ Не могу не высказать своего сожаления, что обычно внимательно относящийся к тексту И. Д. Ковальченко приписал мне совершенно чуждую мысль о преобладании мелкого товарного производства в объеме сельскохозяйственной продукции, да еще в конце XIX в. (1962, № 1, стр. 93).

Пересчеты того же материала, выполненные Н. Л. Рубинштейном, направлены на то, чтобы доказать его главный тезис об отсутствии в России не только уклада, но даже сколько-нибудь широкого распространения мелкотоварного производства. Н. Л. Рубинштейн постарался расслоить выделенные мною группы землевладельцев по основным классовым группировкам.

Прежде всего Н. Л. Рубинштейн отгоргнул от этой группы (частных владений до 20 дес.), владения до 10 дес., называя их владениями «низших категорий, т. е. беднейшей массы» (1962, № 4, стр. 83). Более определенно такую квалификацию получили владения до 3—5 дес. (там же, стр. 82). Эта большая ошибка Н. Л. Рубинштейна, видимо, основана на том, что он не учел особенности частного крестьянского землевладения по сравнению с надельным. Если 3—5 дес. надельной земли — признак бедняцкого хозяйства, то этого же размера участок, приобретенный в собственность, таким признаком не является. Он свидетельствует, что крестьянин вложил в землю капитал, надеясь вести на земле собственное хозяйство или сдавать участки в аренду. Капитал этот был не так мал. По официальным заниженным данным, в Центрально-земледельческой области в 70-х годах участок в 5 дес. стоил в продаже 200 руб.⁴⁰ В Елецком уезде Орловской губ. участок до 10 дес. в 1876—1880 гг. продавался по 135,9 руб. за десятину⁴¹. Для сопоставления укажем, что оборотный капитал средних кожевенных заводчиков с особым помещением для работ и 2—3 наемными помощниками в Нижегородской губернии равнялся 180—200 руб.⁴² Ошибочность расчетов моего оппонента несомненна. В результате их он получил такие данные: в Центрально-земледельческой области 50% всех частных землевладельцев — «бедняки», а в Центрально-промышленной области — 60% всех частных землевладельцев были представители «бедняцкой массы». Выводы эти, конечно, совершенно неверны. Показать внутреннюю многослойность мелкой буржуазии полезно, но это задача второй очереди. Передо мной пока стояла задача выделения мелкой буржуазии из общей массы «крестьянства» в динамике. Так как расчеты Н. Л. Рубинштейна могут внести путаницу в дальнейшую разработку вопроса, излишним будет напомнить, что покупка земли надельными крестьянами «представляет из себя чисто буржуазное явление»⁴³.

Сомнения у Н. Л. Рубинштейна возникли и относительно верхней границы землевладения, типичного для мелкотоварного хозяйства, но более развернуто эти же сомнения выразил И. Д. Ковальченко. Чтобы доказать, что верхняя граница показателя будто бы у меня завышена (на самом деле группировки мои взяты у В. И. Ленина), он особым образом пересчитал данные некоторых ленинских таблиц (1962, № 1, стр. 84—85). В итоге у него получилось частное от деления числа десятин собственной земли крестьян данной группы на все количество крестьян этой группы, тогда как собственниками земли из них были лишь немногие (например, в Елецком уезде Орловской губ. из 1233 дворов высшей группы обладали купчей земель лишь 200). Ясно, что И. Д. Ковальченко получил заниженный показатель. Ему следовало бы обратиться к первоисточникам ленинских таблиц, которые великолепно подтверждают обоснованность взятого нами у В. И. Ленина рубежа

⁴⁰ «Материалы по статистике движения землевладения...», XI в., СПб., 1904, стр. 51—52.

⁴¹ «Сборник статистических сведений по Орловской губернии», М., 1888, т. II, вып. 2, стр. 19.

⁴² «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», СПб., вып. VI, 1880, стр. 657.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 93.

размеров частного владения у средних и зажиточных крестьян⁴⁴. Обращает на себя внимание скачок, который делает средний показатель при переходе к высшей группе, отмечая рождение нового качества. В Васильевском и Макарьевском уездах Нижегородской губ., Елецком уезде Орловской и Задонском уезде Воронежской губерний среднее владение купчими землями у крестьян с 4 и более лошадьми равнялось соответственно 33,0, 28,4, 30,8 и 25,9 десятин, так что рубеж в 20—25 дес. этими данными прочно обосновывается.

Нельзя одобрить и примерный расчет И. Д. Ковальченко доли мелкого и среднего хозяйства в посевах хлебов и картофеля (1962, № 1, стр. 93), поскольку полученный итог трактуется как характеристика производственной мощности мелкотоварного хозяйства. Ведь отделяя посевную площадь только многонадельных хозяйств, мы получаем размер посевов двух различных категорий крестьянства — мелкотоварного и бедняцкого. Правда, сам же И. Д. Ковальченко сомневается в правомерности своих расчетов, ставя на обсуждение вопрос об отношении беднейших хозяйств к мелкотоварному укладу (1962, № 1, стр. 93). Мне кажется, что для постановки такого вопроса нет оснований. Совершенно ясно, что, как правило, бедняцкие хозяйства не производили товаров (в политико-экономическом значении этого слова), даже и в том случае, когда выносили на рынок производимые продукты. Критика позиции И. Д. Ковальченко в выступлении А. М. Анфимова мне кажется вполне справедливой (1963, № 2, стр. 152—153).

А. М. Анфимов путем своеобразного им же разработанного приема исчисления приходит к тому выводу, что не только по числу хозяйств, но и по посевной площади на рубеже XIX—XX вв. преобладал в деревне мелкотоварный сектор (1963, № 2, стр. 158). Изыскания А. М. Анфимова интересны, в них дальше разрабатывается и его оригинальный метод исследования материалов земской статистики, который нам известен уже по ряду предшествующих значительных работ этого автора. Однако к конечному выводу А. М. Анфимова я не могу присоединиться. Тезис о господстве в деревне мелкотоварного уклада в пору зрелого капитализма противоречит нашему представлению о динамике развития сельскохозяйственного производства. Выводы А. М. Анфимова, как мне кажется, базируются на его все-таки весьма уязвимой методике расчета.

В пределах данной статьи могу указать лишь на главные спорные моменты. В приемах группировки А. М. Анфимов сочетает показатель посевной площади с показателем применения наемного труда в крестьянском хозяйстве, в результате чего площади даже крупных посевщиков не включаются в капиталистический сектор, если о них нет сведений, что они применяют наемный труд (этот метод расчета не приводится в действие в отношении хозяйств с небольшими посевами). Почему возникает сомнение в правильности такого метода расчета?

Несомненно верное ленинское положение о найме как главном признаке капиталистического хозяйства, как мне кажется, применяется в методике А. М. Анфимова слишком прямолинейным, упрощенным путем. Поскольку капиталистические производственные отношения в крестьянских хозяйствах в большинстве случаев не отливались во вполне завершенные формы, то там покупка рабочей силы очень часто осуществлялась помимо найма, другими скрытыми путями, не фиксируемыми во время статистических исследований. Под такими скрытыми путями подразумеваются, например, кратковременный, но систематический наем работников, наем с расплатой продуктами, капиталистиче-

⁴⁴ «Материалы к оценке земель Нижегородской губернии», вып. IX и XII, Н.-Новгород, 1889—1890; «Сборник статистических сведений по Орловской губернии», т. II, Орел, 1887; «Сборник статистических сведений по Воронежской губернии», т. IV, вып. I, Воронеж, 1887.

ская в своей основе «семейная кооперация», расплата в форме предоставления права пользования инвентарем хозяина (лошадью, орудиями, машинами) и т. д. Вспомним, наконец, так детально изученную В. И. Лениным фигуру скупщика, который, становясь капиталистом, не нанимал работников, а «только» скупал готовую продукцию, у «самостоятельного» производителя. Поскольку нет возможности даже в таком богатом сведениями источнике, как земская статистика, выделить скрытые формы найма рабочей силы, мне кажется, было бы более правильно все случаи большого земледельческого производства у крестьян относить «на счет» капиталистического сектора, памятуя, что во всех до-социалистических формациях богатеть и расширять свое хозяйство крестьянин мог только одним путем — путем эксплуатации трудящихся, другого пути у него к этому в условиях капитализма не было.

Материалы по Перемышльскому уезду Калужской губ. в работах А. М. Анфимова как бы получили значение экспериментальных (1963, № 2, стр. 156). Обращаясь к ним, я бы с несомненностью перевел 6147 дес. высшей группы по посеву (свыше 12 дес.) в графу капиталистических хозяйств. Быть может, имелись бы основания и часть посевной площади у сеящих 9—12 дес. без найма рабочих тоже отнести в этот же сектор. Следует учитывать, что когда основой предпринимательства в деревне является такая интенсивная культура, как конопля, как это было в Перемышльском уезде, валовые данные о распределении посевной площади имеют ограниченное значение и дают искаженную картину крестьянского расслоения. В связи с этим весьма возможно, что добрая часть посевов у групп «3—6 дес.» и «6—9 дес.» по праву могла бы быть отнесена в графу если не капиталистических, то по крайней мере простых товарных хозяйств. В итоге можно сказать, что интересный эксперимент корректирования показателей по размерам посевов данными о степени применения наемного труда, проделанный А. М. Анфимовым, пока не убеждает в целесообразности широкого применения этого метода ⁴⁵.

Приходится, к сожалению, нам разойтись с А. М. Анфимовым и в другом существенном моменте. Он считает, что «зачатки капиталистической эксплуатации» появляются лишь в крупных хозяйствах, в мелких же (в Перемышльском уезде до 9 дес. посева), когда в них работают по найму, например, «женщины-полуроботницы», нет даже зачатков такой эксплуатации (1963, № 2, стр. 151). Так А. М. Анфимов уничтожает живую диалектику реального положения вещей — широкого использования в некапиталистических мелких хозяйствах настоящей капиталистической эксплуатации.

Мне представляется, что рассмотрение процессов в деревне в ретроспективном плане на более широком отрезке времени, а главное — рассмотрение их в системе всей совокупности социальных отношений конца XIX — начала XX в. привело бы А. М. Анфимова к иной оценке до-капиталистических форм производства в русской деревне периода империализма.

* * *

Я очень дорожу тем, что дискуссия повела к интересному обмену мнениями с высоко ценимыми мною товарищами по научным интересам ⁴⁶.

⁴⁵ А. М. Анфимов неоднократно рекомендует мне и И. Д. Ковальченко применять метод комбинированной характеристики крестьянских хозяйств, не учитывая нереальность этого в условиях, когда отсутствуют земские описания деревни.

⁴⁶ В разгар дискуссии выбыл ее активный участник Н. Л. Рубинштейн, умерший в январе этого года. Глубоко скорбя об этой потере, я с удовлетворением отмечаю, что горячие научные споры с ним никогда не омрачали, а наоборот, скорее скрепляли наши давние дружеские связи.

Говоря о том историческом периоде, когда крестьянство только переставало быть единым классом, имело смысл специально остановиться на мелкотоварном укладе, охватывающем добрую часть этого класса. Стоило взглянуть на этот уклад как на имеющий самостоятельное значение, а не как на аморфный остаток процесса расслоения крестьянства. Такой подход многое разъяснит нам в глубинных базисных и надстроечных процессах, в частности, он осветит подоснову развития революционно-демократического движения — идейного отражения судьбы мелкотоварного уклада.

Выдвинутый в 20-х годах советской исторической наукой тезис о том, что экономика крепостной деревни не была застойной, являлся существенным достижением науки. Однако преувеличения, допущенные при его доказательстве, связанные с недостаточно строгим отношением к источникам, привели к нарушению принципа закономерной связи общественных явлений. Отклик таких преувеличений в нашей дискуссии выразился в замечаниях, будто бы мелкотоварный уклад потерял еще в дореформенное время свое передовое значение, поскольку в XVIII — первой половине XIX в. уже развивался уклад капиталистический. Неправильность этого замечания несомненна.

Не может быть одобрено и то положение, что в дореформенные десятилетия прогрессировали в крепостной деревне лишь немногие капиталистически переродившиеся хозяйства, основная же масса крестьян экономически деградировала и даже уменьшалась в количестве. В небольшом приросте крепостных крестьян, помимо главной причины — усиления феодальной эксплуатации, сказывались прогрессивные моменты: высвобождение крестьян от крепостной зависимости, процесс разложения сословия крепостных крестьян.

При всей тяжести положения крепостной деревни, в ней ко времени реформы преобладали восходящие процессы, которые и послужили основой для ограниченного, но все же прогрессивного преобразования. Огромный демократический подъем середины XIX в. базировался на движении передового развивающегося класса, при всей противоречивости этого движения.

Основная характерная черта мелкотоварного хозяйства, как и уклада — его крайняя неустойчивость, в особенности в условиях быстро развивающегося капитализма. Экономические границы этой группы хозяйств расплывчаты, состав ее очень разнообразен, — он отражает беспрерывно идущий в ней процесс классового расслоения.

Еще не будучи само по себе капиталистическим, мелкое товарное хозяйство означало первый подготовительный этап капитализма. Оно все пропитано признаками капиталистической системы — от широкого применения наемного труда зажиточными элементами до становящейся все более систематической продажи своей рабочей силы пролетаризирующейся прослойкой мелких товаропроизводителей.

Если первые десятилетия после реформы были временем сравнительно интенсивного нарастания мелкотоварного уклада, то последние десятилетия прошлого века отмечены падением его прироста и усилением его разложения. Нет основания думать, чтобы в конце XIX в. мелкотоварный уклад занимал в деревне ведущее положение, по крайней мере по объему продукции.

Отрадно признать, что при всех наших спорах ни у одного из участников дискуссии не было сомнения в важности затронутой проблемы. Значит, она будет изучаться и дальше, а это самое ценное.